

рый и честный человекъ, остроумный собесѣдникъ, талантливый рассказчикъ, — онъ былъ центромъ, вокругъ котораго стекались въ знаменитой „Литературной кофейнѣ“ въ Москвѣ многіе писатели и ихъ просвѣщенные друзья. Его блестящіе рассказы смѣшили и трогали не только слушателей, но и самаго рассказчика, который нерѣдко заключалъ свое повѣствованіе непритворными слезами. Къ этому избранному кругу лучшихъ умовъ тянула Щепкина неутолимая жажда образованія. Щепкинъ постоянно обращался къ нимъ за совѣтомъ. Положительно можно сказать, что изъ всѣхъ извѣстныхъ актеровъ на Руси никто и никогда съ такимъ жаромъ, съ такой искренностью не обращался къ наукѣ. Съ живѣйшимъ интересомъ читалъ онъ статьи о театрѣ, которыя переводились съ иностранныхъ языковъ въ кружкѣ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, специально для Михаила Семеновича. Когда ему приходилось играть роль изъ классическаго репертуара французской или англійской драматургіи, то предварительно онъ освѣдомлялся у тѣхъ же друзей о томъ, какъ объясняется тотъ или другой характеръ, та или другая пьеса на Западѣ. И вѣрные друзья дѣлали для него извлеченія изъ наиболѣе замѣчательныхъ иностранныхъ критикъ данныхъ пьесъ. Такъ, по словамъ А. Н. Афанасьева, когда великій артистъ задумалъ сыграть „Скупого“, то все лучшее, что было написано по поводу этой комедіи и что было необходимо для отчетливаго пониманія роли, для объясненія характера избраннаго лица и для постановки пьесы, — все являлось въ переводахъ, сдѣланныхъ друзьями нарочно